

Леса Ран

Медбрат
ДЛЯ ПЫШКИ

Искушение в белом халате

18+

Леса Ран

Медбрат для пышки.

Искушение в белом халате

<https://litres.ru/74494447>

SelfPub; 2026

Аннотация

Лиза привыкла прятать пышное тело под белым халатом — пока старший медбрат Виталий Громов не дал понять, что ему хочется совсем другого.

Он её начальник. Властный, жёсткий и слишком опасный для девушки, которая рядом с ним забывает обо всех запретах.

Вот только Громов явно не собирается ограничиваться одной тайной связью.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Леса Ран

Медбрат для пышки.

Искушение в белом халате

Глава 1

Я никогда не думала, что страх может чувствоваться так же, как желание.

Спина прижимается к холодной дверце шкафа с медикаментами. Затылком я чувствую металлическую ручку. А передо мной — он. Виталий Сергеевич Громов. Старший медбрат реанимации. Мой личный ад в белом халате.

Он сделал всего один шаг. Всего один. Но этого хватило, чтобы воздух в ординаторской стал густым, как сироп. Я не могу вдохнуть глубже — мешает его запах. Мыло, хлоргексидин и что-то ещё. Что-то тяжёлое, мужское, от чего у меня немеют пальцы ног и почему-то начинает ныть низ живота.

— Смотри на меня, — тихо говорит он.

Я поднимаю глаза. Это ошибка. Его глаза — серые, почти чёрные сейчас, с расширенными зрачками. В них нет злости. Там что-то пострашнее. Там внимание. Полное, предельное внимание ко мне. К моему лицу, к моим дрожащим губам,

к тому, как вздымается моя грудь под форменной блузой. Я чувствую, как ткань натягивается на сосках — они затвердели от страха или от чего-то ещё. Я сама не понимаю.

Я знаю, как выгляжу. Размер 50–52. Мягкие бока, широкие бёдра, высокая грудь, которая никогда не помещалась в стандартные халаты. Тонкая талия — да, она у меня есть, но её не видно из-за всего остального. В школе надо мной смеялись. В колледже называли «наша пышечка». Без злобы, но мне всё равно было больно. Я привыкла быть незаметной. Я привыкла, что мужчины смотрят сквозь меня. Или — что ещё хуже — смотрят на мою грудь, а потом отводят взгляд с безразличностью, словно я сама виновата, что родилась такой.

А сейчас меня видит он. И не отводит взгляд.

Больше того — он рассматривает. Медленно. Сверху вниз. Я чувствую его взгляд на своей шее, на ключицах, на том месте, где блуза натягивается на груди. И ниже — на талии, где бедро расширяется под тонкой тканью брюк. Мне должно быть стыдно. Мне стыдно. Но между моих ног становится влажно. Я сжимаю бёдра, надеясь, что он не заметит.

Он замечает всё.

— Две недели, — произносит Громов. — Две недели ты ходишь по реанимации, как привидение. Пробирки бьёшь. Сегодня чуть не перекрыла подачу седативного на перфузоре — давление у третьего пациента упало. Тётя Зина заметила вовремя, перекрыла систему и вызвала дежурного анестезиолога.

Тётя Зина — пожилая медсестра с железными руками и добрым сердцем. Она стоит у поста, поправляет очки и смотрит на меня с сочувствием. Потом переводит взгляд на Громова, качает головой и тихо бормочет: «Ох, Громов, оставь ты девочку в покое. И так вся трясётся». Он не обращает на неё внимания. Но я запоминаю этот взгляд.

Меня отстранили от поста на час. Громов наблюдал за этим молча, а потом сказал: «Задержись».

Я зажмуриваюсь. Это правда. Утром я перепутала краны на системе. Замигал монитор. Пожилая медсестра тётя Зина закатила глаза, но быстро всё исправила, пока анестезиолог не успел вписать инцидент в журнал. А Громов появился через три секунды, проверил показатели, поправил мою руку и посмотрел на меня так, словно прикидывал, на какой срок меня хватит. И что он со мной сделает, когда этот срок истечёт.

— Я исправлюсь, — шепчу я.

Собственный голос звучит жалко. Писк. И этот писк почему-то возбуждает меня ещё больше. Потому что я чувствую себя беспомощной. А он — сильным. Тот, кто может сделать со мной всё, что захочет.

— Исправишься? — он усмехается. Не зло. Скорее устало. — Я не верю в «исправишься», Никонова. Я верю в дисциплину.

Он наклоняется ближе. Теперь я вижу тёмную щетину на его скулах, родинку над верхней губой, шрам на брови. И

губы. Сухие, плотно сжатые, но нижняя чуть полнее верхней. Я смотрю на его рот и представляю, как эти губы коснутся моей шеи. Как они прикусят мою кожу. Я чувствую, как между ног становится совсем влажно, и от этого у меня кружится голова.

— С сегодняшнего дня ты под моим личным контролем, — говорит он. — Будешь делать всё, что я скажу. Без вопросов. Без «ой, я не умею». Поняла?

— Да.

— Смотреть в глаза, когда отвечаешь.

Я поднимаю взгляд. И тону. Глаза Громова — это бездонные колодцы. Я не вижу дна. Но вижу там себя. Растерянную, покрасневшую, с приоткрытым ртом, с бешено пульсирующей жилкой на шее. Он смотрит на эту жилку. Я знаю. Я чувствую его взгляд как поцелуй.

— Ты боишься меня? — вдруг спрашивает он. Тише. Со всем тихо.

— Н-нет.

— Врёшь.

Его палец — длинный, с чисто остриженным ногтем — касается моего подбородка. Он не давит. Просто поднимает моё лицо чуть выше. Я не смею дышать. Кончик его пальца шершавый. Я закрываю глаза и представляю этот палец на своей груди. На своём соске. Между своих ног.

— Бояться меня — безопасно для такой, как ты, — произносит он, и в его голосе проскальзывает что-то, похожее

на... нежность? Нет. Не может быть.

Он отступает ровно на полшага. Я вдыхаю — судорожно, жадно. Моя грудь тяжело вздымается, и я вижу, как взгляд Громова задерживается на вырезе. Дольше, чем нужно. Намного дольше. Там ничего неприличного. Обычная медицинская блуза, пуговицы под горло. Но я чувствую этот взгляд кожей. Соски становятся твёрдыми, как камешки. И я знаю — он видит и это.

— Иди, — бросает он, поворачиваясь к столу. — И запомни: отныне ты — моя головная боль. Я сам решу, что с тобой делать.

Вечером, дома, я не могу заснуть.

Сначала я стою под душем двадцать минут. Горячая вода стекает по моей пышной груди, по животу, по бёдрам. Я закрываю глаза и кладу ладонь туда, где всё ещё пульсирует. Я представляю его руку. Его пальцы. Его голос, который говорит: «Смотри на меня».

Я не должна этого делать. Это стыдно. Это неправильно. Он мой начальник. Он старший медбрат. Он, наверное, даже не помнит, как меня зовут.

Но я помню каждое его слово.

Я провожу ладонью по влажной коже, и в голове вспыхивает картинка: его широкие плечи, его руки, которыми он

поправляет аппараты. Сильные руки. Опытные руки.

Что эти руки сделают со мной, если он захочет?

Я вздрагиваю и выключаю воду. Нельзя. Нельзя думать об этом.

Но когда я ложусь в постель, завёрнутая в большое махровое полотенце, телефон на тумбочке вибрирует.

Сообщение от неизвестного номера.

Я открываю — и сердце падает в пятки.

«Никонова. Завтра после смены останься в отделении. Будем работать над твоими ошибками. Лично. Громов».

Я перечитываю три раза. Четыре. Пять.

«Лично» он подчеркнул. Или мне кажется?

Я кладу телефон на грудь и закрываю глаза. Между ног снова пульсирует. Я тру бёдрами друг о друга, сама не замечая этого. Моя рука скользит под полотенце.

Я не знаю, что будет завтра.

Но я знаю, что прямо сейчас, в этой постели, я хочу его так сильно, что готова умереть от стыда.

Глава 2

На следующий день я не могу смотреть ему в глаза.

Вся смена проходит как в тумане. Я меняю капельницы, измеряю давление, записываю диурез, но мозг работает на одной частоте: после работы. Он сказал «останься». Лично.

К пяти часам вечера отделение пустеет. Дневная смена уходит. Ночная ещё не пришла. Тишина нарушается только мерным пиканьем кардиомониторов.

— Никонова, — голос Громова раздаётся за моей спиной.
— В восьмую палату. Живо.

Восьмая палата — техническая. Там не лежат больные. Там хранят чистые простыни, запасные катетеры и старый аппарат, который давно пора списать. Я знаю это. И он знает.

Я иду. Плечи вжаты в спину. Сердце колотится где-то в горле.

Захожу — и слышу, как дверь закрывается за мной с тихим щелчком. Громов внутри. Он уже здесь. Он прислонился к подоконнику, скрестив руки на груди. Белая форма сияет под люминесцентными лампами. Рукава закатаны до локтей. Я вижу тёмные волоски на предплечьях и вздувшиеся вены.

— Закрой дверь на защёлку, — говорит он. Голос спокойный, но я замечаю, как он быстро оглядывает коридор через стекло. Потом дёргает ручку сам — проверяет. — Никто не

должен войти. Если кто-то постучит — молчишь. Ты переодевалась. Поняла?

— Поняла.

Я поворачиваюсь и дрожащими пальцами нажимаю на язычок замка. Щелчок. Теперь нас никто не услышит.

— Подойди.

Я делаю шаг. Второй. Третий. Останавливаюсь в метре от него.

— Ближе.

Ещё шаг. Теперь я чувствую тепло его тела. Я поднимаю глаза — и тону в его взгляде.

— Ты знаешь, зачем ты здесь, Никонова?

— Чтобы вы... работали над моими ошибками, — шепчу я.

— Нет, — он отталкивается от подоконника и оказывается вплотную. — Ты здесь, потому что вчера в ординаторской у тебя между ног было мокро. Я видел. Ты думала, я не замечу, как ты сжимаешь бёдра? Как смотрела на мой рот? Как прикусила губу?

Я задыхаюсь. Краснею так, что, кажется, сейчас задымлюсь. Но между ног снова становится влажно — от одного его голоса, от этих слов, от того, что он видел всё.

— Не ври мне, — его рука ложится мне на талию. Твёрдо. Властно. Пальцы впиваются в мягкую плоть. — Ты хотела меня. Всю ночь. Не спала. Ворочалась. И думала обо мне. Я прав?

Я не могу ответить. Только киваю.

— Словами, — приказывает он.

— Да, — выдыхаю я. — Да, я думала о вас.

— О чём именно?

Я молчу. Стыд жжёт горло.

— Я спрашиваю, — его пальцы впиваются сильнее. — О чём ты думала, когда лежала в постели? Представляла, как я трогаю твою грудь? Как сжимаю твои соски?

— Да.

— Как я вхожу в тебя?

— Да.

— Сними халат.

Я расстёгиваю пуговицы. Пальцы не слушаются. Халат падает на пол. Остаюсь в блузе и брюках. Грудь тяжело вздымается под тонкой тканью. Соски затвердели так, что их видно даже через бюстгальтер.

— Блузу тоже.

Я медлю. Мы в больнице. За стеной — пациенты. А он смотрит на меня как на свою собственность.

— Я сказал — сними.

Я стягиваю блузу через голову. Остаюсь в бежевом бюстгальтере. Мои руки инстинктивно прикрывают грудь.

— Убери руки.

Я опускаю руки. пышная грудь тяжелеет, соски торчат сквозь кружево. Громов медленно обводит взглядом мои плечи, ключицы, живот, бёдра.

— Знаешь, что я вижу? — тихо говорит он. — Не «пышечку». Не «нашу хорошую девочку». Я вижу женщину, у которой есть за что ухватиться. Бёдра, за которые можно держаться. Грудь, которую можно мять. Мне не нужны худышки, которые ломаются от одного толчка. Мне нужна такая, как ты. Запомни это.

У меня перехватывает дыхание. Никто — никогда — не говорил мне ничего подобного.

— Повернись. Спиной ко мне.

Я поворачиваюсь. Слышу, как он подходит вплотную сзади. Его руки ложатся на мои бёдра — широкие, горячие. Он прижимает меня к себе, и я чувствую его член через ткань брюк. Твёрдый. Огромный. Он упирается мне в попку.

— Чувствуешь? — шепчет он у моего уха. Голос низкий, хриплый. — Это ты сделала. Только ты.

Я замираю. Моя попка прижата к его паху. Я чувствую каждый сантиметр его члена через ткань. И — сама не понимая как — начинаю тереться об него. Медленно. Стыдливо. Но не могу остановиться.

— Вот так, — одобряет он. — Покажи, как ты хотела меня вчера.

Одной рукой он расстёгивает мой бюстгальтер. Ткань падает. Моя грудь оказывается свободной — тяжёлой, налитой. Его ладони накрывают её сзади, сжимают. Пальцы находят соски, сдавливают их — не больно, но твёрдо. Я вскрикиваю.

— Тихо, — напоминает он.

Вторая рука скользит вниз, растёгивает мои брюки и стягивает их вместе с трусиками. Я слышу, как ткань падает на пол. Теперь я стою перед ним совершенно голая. Спиной к нему. Моя попа прижата к его члену. Моя киска — открытая, мокрая, пульсирующая.

— Какая ты мокрая, — констатирует он, проводя пальцами между моих ног. Я вздрагиваю. Его палец скользит по влажным складкам, задерживается у входа. — Я ещё не вошёл, а ты уже течёшь. И знаешь, что? Мне это нравится. Твои бёдра, твоя грудь, твоя мокрая киска — всё это моё. Скажи.

— Всё это... ваше, — шепчу я.

— Правильный ответ.

Он отстраняется на секунду. Я слышу, как растёгивается ширинка, как ткань брюк падает на пол. И снова — его тело вплотную к моей спине. Но теперь между моей попкой и его пахом нет ткани. Я чувствую его член голой кожей. Горячий. Гладкий. Твёрдый.

Он обхватывает меня одной рукой за талию, другой направляет свой член к моей киске.

— Впусти меня, — командует он.

И входит.

Резко. Глубоко. На всю длину.

Я вскрикиваю — и тут же зажимаю рот ладонью. Его член наполняет меня полностью. Я чувствую, как стенки моей киски растягиваются, обхватывают его, сжимаются. Он толстый, горячий, живой. И он внутри меня.

— Молчать, — напоминает он. — Терпи.

Он начинает двигаться. Медленно сначала. До конца выходит — и снова входит. Каждый раз я чувствую, как его член скользит по мокрым стенкам, как задевает самое чувствительное место внутри. Он стонет — тихо, сквозь зубы, и этот звук заставляет меня кончить почти сразу.

Волна накрывает с головой. Моя киска сжимается вокруг его члена, пульсирует, не хочет отпускать. Я дрожу всем телом. А он не останавливается.

— Нет, — рычит он. — Без разрешения нельзя. Я не говорил «можно».

— Простите, — всхлипываю я.

— Прощу. Потом. А сейчас — терпи.

Он ускоряется. Толчки становятся чаще, жёстче. Его член ходит во мне так глубоко, что я чувствую его у самого входа в матку. Одной рукой он сжимает мою грудь, пальцами давит на сосок. Другой держит меня за бедро, не давая упасть.

Я больше не могу молчать. Из горла вырываются сдавленные стоны. Громов зажимает мне рот ладонью — широкой, шершавой.

— Тихо, девочка. Сейчас.

Я чувствую, как он напрягается. Как мышцы на его груди каменеют. Как его член пульсирует внутри меня. Он кончает — глубоко, сильно, с рычанием, которое вибрирует у моего уха. Я чувствую, как горячая жидкость заливает мою киску изнутри.

Я замираю.

Он держит меня ещё несколько секунд. Не выходит. Стоит так, прижавшись к моей спине, его член всё ещё внутри меня, медленно опадая.

Потом он аккуратно выходит. Я чувствую, как его семя вытекает из меня, стекает по внутренней стороне бедра.

Он разворачивает меня к себе. Смотрит в глаза. Серые, расширенные, почти чёрные.

— Твоя, — шепчет он, касаясь губами моего лба. — Скажи.

— Ваша, — отвечаю я.

Он поднимает мои брюки с пола, помогает мне одеться. Застёгивает бюстгальтер. Поправляет волосы. Потом достаёт из кармана влажную салфетку — я смотрю на него с удивлением.

— Я готовился, — спокойно говорит он. — Я всегда готовлюсь. Ты не первая моя головная боль, но последняя. Одевайся. Через десять минут придёт ночная смена.

Я застёгиваю брюки дрожащими руками.

У двери он останавливает меня:

— Никонова.

Я оборачиваюсь.

— Завтра в это же время. Ты придёшь.

Я смотрю на него. На взмокшие волосы на лбу. На покрасневшие скулы. На губы, которые только что шептали мне приказы.

— Приду, — говорю я.

И выхожу в коридор.

Я иду в туалет, закрываюсь в кабинке, сажусь на крышку унитаза и разревелась. Всё тело дрожит. Я не понимаю, что со мной. Мне стыдно. Мне страшно. И ещё — мне хочется продолжения. Я зажимаю рот ладонью, чтобы никто не услышал. И тут дверь в туалет открывается.

— Лиза? Ты здесь? — голос тёти Зины.

Я молчу.

— Я знаю, что ты здесь. Восьмая палата, да? Я не видела, но догадалась. Не через дверь, нет. Я старая, я такие вещи за версту чую.

Я всхлипываю громче.

— Ты не плачь, милая, — говорит тётя Зина через дверь кабинки. — Громов — мужик жёсткий, но справедливый. И если он на тебя глаз положил — это надолго. Только ты сама решай, нужно ли оно тебе. Таких мужчин просто так не удержишь. Подумай.

Я вытираю слёзы.

— Спасибо, тёть Зин.

— Иди умойся. И помни: я ничего не видела. Но если что — я здесь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.